

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. Э. Гончаров

Гражданское общество как идеологема

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Goncharov_Ideologema.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

В. Э. Гончаров

Гражданское общество как идеологема

Следует отличать ценностно нагруженные концепты социальной науки (а где найти абсолютно нейтральные понятия в социологии?) от специфических идеологем, даже если они обозначены одинаковыми терминами. Понятие «идеологема» в этой статье совмещает в себе два существенных значения. В первую очередь, идеологема - это «ловушка дискурса». Основное русло дискурсивного потока, как правило, не выходит за пределы идеологем, являющихся своеобразными «впадинами смысла». Во всяком случае, такова роль идеологем в доинформационном обществе, где ещё нельзя использовать термин «параидеология» в строгом смысле этого слова. Вторая составляющая идеологемы - ее потенциал энергетической мобилизации. Именно существование идеологем предотвращает соскальзывание человеческого рода к состоянию гомеостаза, доступному прочим биологическим видам. Идеологема - это механизм, объединяющий в себе оба принципа мотивации: «кнут», в виде которого выступает идея врага и «пряник» определенного аттрактора.

Исследование идеологемы - это экспликация её основных контекстов и описание конкретных способов реализации вышеописанных функций.

Итак, начнём с контекста. Популярность к концепту “гражданское общество” в русском политическом дискурсе пришла в конце 80-х годов. Само понятие было очевидным образом заимствовано, но источников заимствования было, как минимум, два. Первым источником была философия “консервативного сдвига” конца 70-х годов в странах

“первого мира”. История распорядилась так, что советское общество открылось информационным потокам, идущим с Запада, как раз в тот момент, когда общественное мнение ведущих западных стран захлестнуло гребнем неоконсервативной волны. Циклический характер колебания западной идеологической моды оказался недоступен пониманию русской интеллигенции, традиционно ищущей в западных идеологических новинках ответы на последние вопросы бытия. Неоконсерваторы атаковали государство всеобщего благосостояния под лозунгами восстановления поправленного достоинства гражданского общества. По их мнению, благополучно обстоят дела в тех обществах, где гражданское общество активно, а государство пассивно. Если же активность государства начинает преобладать, то создаётся благоприятная среда для паразитирования на государстве. В результате трудовая этика слабеет, а естественные формы социальной организации деградируют. Как писал Раймон Арон: «... можно было бы сказать, и здесь нет никакого парадокса, что демократические режимы функционируют хорошо тогда, когда мотор заложен в гражданском обществе, а тормоз - в правительстве»¹

Вторым источником стал восточноевропейский диссидентский дискурс, блестяще описанный в недавней работе Е. Шацкого [5]. В диссидентские манихейские дихотомические идеологические конструкты идея гражданского общества проникла из неомарксистских интерпретаций идей Грамши. Концепцию Грамши оказалось очень удобно применять для истолкования практики антисоветских движений, в частности, опыта польской “Солидарности”²

Существенно важным является тот факт, что в обоих контекстах заимствования понятие “гражданское общество” оказалось увязано с ещё более популярной в перестроечный и постперестроечный период концепцией тоталитаризма, которая также несла в себе немалое идеологическое содержание. По мнению итальянского либерального философа Норберто Боббио: “ При тоталитаризме государство - это всё, а гражданское общество - ничто.”[1]. Вот вам и первая посылка идеологического силлогизма. А поскольку мы переходим от тоталитаризма к демократии (вторая посылка), то существующее государство нужно как можно скорее демонтировать. Его и демонтировали: политически - в

¹ Цитирую по [3], с. 92.

² Примером такой интерпретации польского опыта может служить работа Z. Pelczynski. [7].

Беловежской пуще, экономически - в ходе чубайсовской приватизации. Вне всякого сомнения, вышесказанное не следует понимать таким образом, будто намерение построить в России гражданское общество занимало сколь-нибудь заметное место в мотивации политических акторов, осуществивших эти грандиозные трансформации. Элитные акторы, как и всегда, руководствовались, в первую очередь, собственными эгоистическими интересами, но пространство возможных для них решений определялось в значительной степени реальным идеологическим фоном. А уже в конструировании этого идеологического фона концепция гражданского общества сыграла не последнюю роль.

В конце 80-х годов основной функцией идеологема “гражданское общество” в рамках российского политического дискурса была функция энергетической мобилизации. Это была идеологема второго ряда, явно несопоставимая по своему значению с такими идеологическими конструктами, как, например, “демократия”, “рынок” или “суверенитет”. Тем не менее, свою роль в политическом процессе она сыграла.

Чтобы определить место данной идеологема в тогдашнем российском идеологическом дискурсе, необходимо, хотя бы в самых общих чертах, осветить механизм функционирования современного идеологического процесса. Время классических идеологических систем мировоззренческого типа (в основании которых лежали определённые базовые тексты) подходит к концу. Эти эрзац - религии были нужны для цементирования человеческих мегамашин в европейских политических системах Нового времени. Интеллектуалы, формировавшие слой активистов политических партий, нуждались в довольно рафинированной, а подчас и эзотерической идеологии. Такая идеология служила оправданием их избранности и языком для посвящённых. Реальная роль этого слоя сводилась к выполнению функции посредников между партийными лидерами и массой. Ныне же эта функция успешно выполняется средствами массовой информации и небольшим, но вполне профессиональным партийным аппаратом. Однако, идеология никуда не исчезла, она просто стала более “телегеничной”. Способ функционирования идеологии в электронных СМИ коренным образом отличается от естественного идеологического процесса внутри “галактики Гутенберга”. Для обоснования преимуществ рыночной экономики перед плановой вовсе не обязательно зачитывать главы из Хайека. Получасовое нудное выступление партийного лидера (если только он не работает в стиле клоуна) заменит профессионально сработанный видеоклип с поп-

звездой. Переход к новому “электронному” этапу существования идеологии в “первом мире” произошёл в конце 60-х - начале 70-х годов. В Советском Союзе этот переход откладывался ввиду “неповоротливости” механизма партийно-государственного контроля над СМИ и технологической отсталости. Он начался в период поздней перестройки и, не исключено, что именно выход СМИ из под контроля высшего политического руководства явился одной из важнейших причин краха горбачёвского проекта преобразования советского общества.

“Гражданскому обществу” нечего делать на телевидении. Однако были предприняты несколько попыток применить эту идеологему в партийном строительстве. Приведу лишь один пример. На III съезде партии “Демократический Союз” (ныне фактически исчезнувшей с политического горизонта), состоявшемся в январе 1990 года был представлен проект новой программы партии под названием “Гражданский путь”. Этот путь определялся авторами программы как: “...путь противостояния гражданского общества тоталитарному государству, а в конечном счёте - осуществление его мирного переворота над государством.” [2, с.8]. Поскольку существовавший государственный строй теоретики ДС сочли тоталитарным, то цель своей деятельности они обнаружили “вне структур тоталитарной системы”, а именно - в “создании политической инфраструктуры гражданского общества - независимых общественных институтов, противостоящих тоталитарному государству, системы альтернативной общественной власти, борьбе за созыв Учредительного Собрания” [2, с.7]. На первых 15-ти страницах этого текста термин “гражданское общество” встречается 44 раза.

Попытки использовать концепцию “гражданского общества” в качестве классической идеологемы, обладающей потенциалом энергетической мобилизации успеха не имели. Однако саму эту концепцию в архив списывать не пришлось. Зная “гражданского общества”, выпавшее из ослабевших рук идеологов “антитоталитарной демократической революции”, было подхвачено представителями российской общественной науки. С начала 90-х в огромном количестве стали плодиться сборники, в названии которых фигурировало это многозначительное словосочетание. Как выяснилось, “гражданское общество” - это один из всеохватывающих, максимально абстрактных терминов. Любые недостатки любой социальной системы можно объяснить слабостью гражданского общества. Точно так же можно объяснить их падением нравов, спецификой национальной политической

культуры, влиянием мирового сионизма и т. п. Этот понятийный ряд можно продолжить. Впрочем, такие детерминистские схемы ничем не хуже, чем экономический детерминизм в его ортодоксальном марксистском или неолиберальном варианте. Причина популярности этого термина в российском общественно-научном дискурсе (фактически обладающем весьма незначительной автономией от доминирующего политико-идеологического дискурса) заключается в необходимости объяснения феномена несостоявшегося российского экономического чуда. Дело в том, что программа либеральных реформ, разработанная в перестроечной публицистике, и воспринятая новым российским руководством, была во всех важнейших пунктах осуществлена на практике. Странным образом, результат оказался далёк от ожидаемого. Почему освобождение от коммунистической диктатуры не привело к становлению устойчивой демократии, а раскрепощение экономической инициативы в условиях свободного рынка сопровождалось обвальным падением основных экономических показателей и жизненного уровня подавляющего большинства населения? Ответы на этот вопрос предлагались самые разные, но существенным в содержании большинства из них было утверждение, что суть проблем, стоящих перед Россией, находится вне сферы чистой политики либо чистой экономики. Гражданское общество в современной российской социальной науке - это псевдоним отсутствующего необходимого условия успешной модернизации. Проблема применимости концепции гражданского общества к описанию социальной реальности XX века находилась в центре внимания целого ряда теоретиков и далеко не все давали позитивный ответ на этот вопрос. В наиболее полном обзоре последних лет [6] рассматриваются четыре основных направления критики этой концепции: нормативная критика Ханны Арендт; историцистская критика в вариантах Карла Шмитта и Юргена Хабермаса; генеалогическая критика Мишеля Фуко и системно – теоретическая критика Николаса Лумана. В западной социальной науке проблема гражданского общества рассматривается преимущественно в рамках *political theory*, то есть политической философии в принятой российской терминологии. В России же эта концепция применяется в эмпирически ориентированных исследованиях. Навязчивое стремление объяснить всё на свете с помощью концепта “гражданское общество” приводит порою к явным курьёзам. Так в русском переводе учебного пособия по социологии Н. Смелзера, изданном в 1994 году под редакцией профессора В. Ядова, в

главу о политической системе помещён комментарий редакции, где с недоумением отмечается тот факт, что “автор не использует важное в политической социологии понятие “гражданское общество” [4]. Профессору Ядову, конечно, виднее, какие понятия следует включать американским авторам в свои лекционные курсы, но хотелось бы понять: почему же, в самом деле, без этого понятия не могут обойтись российские авторы?

По всей видимости, мы имеем дело с классической “ловушкой дискурса”, то есть с идеологемой.

Литература

Боббио Н. *Вопросы философии*, 1992, N 8, с. 172.

Демократический Союз. Бюллетень Совета партии N 1.М., 1990.

Панарин А. С. Стиль “ретро” в идеологии и политике. М., 1989.

Смелзер Н. Социология: пер. с англ. - М.: Феникс, 1994, с. 523.

Шацкий Е. Гражданское общество. *Политические исследования*, 1997, N 6.

Cohen J. and Arato A.. *Civil Society and Political Theory*. Massachusetts Institute of Technology, 1995.

Pelczynski Z. Solidarity and “The Rebirth of Civil Society”. In: J. Keane (Ed.) *Civil Society and the State*. L., Verco, 1988.